

ИЗРАИЛЬ ЗАНГВИЛЛ

ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

Перевод с английского: Дан Берг

Предисловие переводчика

Заокеанский Сион и романтический вздор

Английский писатель Израиль Зангвилл (1864 – 1926) родился в Лондоне в семье еврейских эмигрантов из Российской империи. Одаренный юноша получил еврейское и английское образование. Карьера Зангвилла отмечена успехами всех его начинаний: журналист, редактор, поэт, переводчик, писатель, драматург.

Активный сионистский деятель, Зангвилл был духовно близок Теодору Герцелю и держался идеи “земля без людей для людей без земли”. Иными словами, пустынные пространства Канады, Австралии, Уганды, по мнению Зангвилла, больше годились на роль Сиона, нежели населенная мусульманами Палестина. Заглядывая в будущее, Зангвилл в беседе с Зеевом Жаботинским высказался в том смысле, что будет великой глупостью создавать еврейскую родину, как страну двух народов, ибо такое государство станет источником бед и страданий для обоих соседей.

Израиль Зангвилл писал на английском языке. Его плодovитому перу принадлежат романы, пьесы, стихи, публицистика, переводы. Блестящие произведения о жизни еврейской бедноты Лондона (“Дети гетто”, “Король шнореров”) принесли Зангвиллу славу англо-еврейского писателя и почетное прозвище “Диккенс еврейского гетто”. Эти романы, а также некоторые из его очерков были переведены на русский язык в конце 19 века. Современному русскоязычному читателю Зангвилл известен, как мастер детективного жанра (“Тайна Биг Боу”).

***

Пьеса “Плавильный котел” снискала Израилю Зангвиллу непреходящую популярность за океаном. Взяв названием пьесы известное прежде выражение, Зангвилл ввел его в широкий оборот и превратил в яркую метафору, метко выражающую квинтэссенцию превращения разноязычных толп иммигрантов в единую американскую нацию.

Семья молодого и талантливого еврейского музыканта Давида Квиксано, главного героя произведения, погибла в Кишиневском погроме. Давид бежал из Российской империи в Америку. В Нью-Йорке он встретил русскую аристократку Веру Ревендаль, тоже иммигрантку. Молодые люди полюбили друг друга, ветер американской свободы смел ложные барьеры в их головах, и вот уж Давид и Вера готовы соединить свои судьбы узами брака – вещь невероятная на их прежней родине.

Перипетии борьбы новаторских и ретроградных идей, юмор и сочная характеристическая речь многочисленных персонажей – всё это цепко удерживает внимание зрителей и читателей пьесы. Давид Квиксано славит Америку, сжигающую в топке плавильного котла

старые воззрения и былые страхи беглецов из Европы – итальянцев и ирландцев, греков и русских, евреев и армян – всех, кто добрался до спасительного берега Нового Света.

Америка представляется Давиду истинным Сионом: здесь, в стране свободы и равенства наций, евреи отбросят ставшие ненужными архаичные традиции и предрассудки и станут, как все, американцами.

Имевшая оглушительный успех пьеса не избежала упреков. Ассимиляционные лозунги рассердили еврейских активистов, и, успокаивая их, Зангвилл писал, что антисемитизм и религиозные догматы уносят ассимиляцию в туманную даль времен.

Вдохновенные речи Давида, горячие и логичные вместе, режут ухо холодного скептика. Один из английских литературных критиков назвал их “романтическим вздором”. Вступившись за своего героя, Зангвилл парировал: тот, кто не представил себе ужас и унижение людей, прятавшихся по чердакам и погребам, трепетавших от страха перед ревущей пьяной толпой, тот не поймет неподдельного восхищения свободой русских евреев, неисправимых оптимистов.

После первого представления в 1908 году пьеса “Плавильный котел” была сыграна на многих театральных подмостках Америки. Она ставилась в университетах и колледжах, издавалась в печатном виде, цитировалась политиками, журналистами, проповедниками. Пьеса оказала неоценимую услугу нации, напомнив американцам о высоких мечтах отцов-основателей.

Пьеса Израиля Зангвилла не устарела. В 2006 году она была вновь сыграна в Нью-Йорке. Думается, что произведение английского писателя представляет интерес для русского читателя. Минувший век, но стоящая в центре сюжета тема эмиграции не утратила актуальность для граждан страны, которую покинули Давид Квиксано и Вера Ревендаль.

Ради удобства чтения в интернете переводчик осуществил жанровую переработку пьесы в цикл рассказов.

Дан Берг

1 Первое чудесное превращение

Знаменитый Кишиневский погром в защиту русского народа, царя и православия замечательно показал миру, как неравно любит своих подданных Российская империя. Событие это помогло понять евреям великой державы, что участи беженцев им не миновать. В начале 20-го века они влились в европейский поток парий, и Америка щедро наделяла каждого иммигранта шансом на новую судьбу.

Учитель музыки Мендель Квиксано живет с престарелой матерью в Нью-Йорке. Он приютил у себя юного племянника Давида, спасшегося из Кишиневского кошмара, взявшего жизни его родителей, братьев и сестер. Редкий музыкальный дар вчерашнего вундеркинда сулит ему скорую славу.

Гостиная в доме Менделя соединяет американский дух с еврейским. Над входной дверью укреплен звездно-полосатый флаг, уживающийся с мезузой на косяке. Стена украшена портретами Колумба и Линкольна, и тут же висит картина с изображением молящихся у Стены плача в Иерусалиме. Стеллаж отягачен английскими книгами и ветхими фолиантами на иврите. Центр комнаты занимает рояль. На покрытом красной скатертью столе высятся груды нот.

Мендель расположился в кресле у камина. Голова увенчана черной ермолкой, на ногах стоптанные домашние туфли, поношенный вельветовый пиджак помогает каминному теплу согреть старое тело. Морщины прошлых бедствий на библейском лице не разглажены надеждой на будущее счастье.

Раздался стук в дверь. Ожидавший прихода нового ученика, Мендель поспешил в свою спальню переодеться. Открывать пошла служанка, молодая ирландка Кетлин. Она раздражена недавней ссорой с матерью Менделя. Кетлин распахнула дверь. Вошла красивая, одетая в дорогие меха девушка.

- Я – Вера Ревендаль. Мне нужен господин Квиксано, – отчеканила вошедшая.
- Который господин Квиксано? – мрачно спросила Кетлин.
- Здесь два господина Квиксано?
- Разве я не ясно сказала, что их два?
- Я ищу того, который играет.
- И тот и другой этим занимаются!
- Оба играют на скрипке?
- Нет! Старый учит недорослей брэнчать на пианино. Молодой, Давид, играет на скрипке.
- Он-то мне и нужен! – горячо воскликнула Вера.
- Его нет! – прозвучал лаконичный ответ, и Кетлин попыталась выставить гостью.
- Не закрывайте дверь! Я из землячества. Я напишу ему записку.
- Поторопитесь! Не то мамаша старшего Квиксано писать не позволит: шабис наступает!
- Простите, что наступает? – не поняла Вера.
- Шабис наступает! – вскричала Кетлин, - еврейка, а не знает свой святой день!
- Я - еврейка!? Да как вы смеете?
- О, я страшно извиняюсь, мисс! Вы выглядите, как иностранка, и я подумала...
- Я – русская! Однако, правильно ли я поняла, что господин Квиксано еврей?
- Здесь два еврея, мисс! – внесла ясность ирландка.
- Неужели это возможно? У Давида такие приятные манеры...
- Оба и каждый из них! – злорадно разъяснила Кетлин безнадежность ситуации.
- По-моему, вы всех считаете евреями. Судя по фамилии, Квиксано - испанцы.

- Испанцы? Взгляните на молитвенник старухи! – Кетлин показала Вере книгу на иврите.

В гостиную вернулся принаряженный Мендель, увидел молодую, богато одетую даму, которую принял за ученицу. Вера направлялась к двери, собираясь уйти.

- Сожалею, заставил вас ждать. Присядете? – спросил Мендель, указывая Вере на кресло.
- Прошу прощения, это ошибка, мне нужен другой человек... я уйду, - пробормотала Вера.
- Могу ли я помочь вам найти его?
- Благодарю, не хочу вас утруждать, - сказала Вера, пытаясь открыть дверь.
- Позвольте мне! – воскликнул Мендель и отпер замок.

Изумленная столь обходительным обращением, Вера почувствовала, как тает ее антиеврейское предубеждение.

- Я искала вашего сына...
- Это мой племянник Давид. Он сейчас в детском доме инвалидов. Играет для детей.
- Как благородно! – воскликнула гостья и окончательно рассталась с предубеждением.
- Он делает это бескорыстно, мисс...
- Ревендаль.
- Давид говорил о вас. Он был восхищен, он назвал вас душой землячества!
- Мы хотим пригласить его вновь играть у нас, - сказала Вера, смущенная похвалой.

Из кухни появилась госпожа Квиксано, уселась в кресло.

- Чего хочет шика? – спросила на идиш старая леди, и ответ Менделя удовлетворил ее.
- Что говорит ваша мать? – полюбопытствовала Вера.
- Она не знает английский – только идиш. Интересуется вами, - ответил Мендель.
- Можете доложить, что я в полном порядке.
- Она прожила свою жизнь в России. Я вызвал ее сюда. Она не любит Америку.
- А ваш племянник родился здесь?
- Нет, он тоже из России, спасся оттуда. Он музыкант-самоучка и очень талантлив.
- И не любит Америку?
- Наоборот! Он обожает эту страну.
- А я хоть и русская, но и я спасалась из России. Останься – и очутилась бы в Сибири.
- Значит, вы революционерка?
- Можно честно жить в России и не быть революционеркой? Видите, я тоже знаю беды.

За дверью раздался шум: молодой голос поет американскую патриотическую песню. Госпожа Квиксано встрепелась: “Давидка!” Вошел красивый юноша, сразу заметил Веру.

- Мисс Ревендаль здесь! – воскликнул Давид с почтением и восхищением.
- Не удивляйтесь, я свалилась с неба, как снег, что на вашем пальто!
- Я не знал, что вы ждете...
- И хорошо, что не знали. Иначе маленькие калеки не слышали бы вашей скрипки!
- Это дядя сказал вам!

Давид подошел к госпоже Квиксано, нежно погладил ее по щеке.

- Ты знаешь, бабуля, я так играл – даже инвалиды танцевали на костылях!
- Мой Давидка! – любовно глядя на внука пробормотала бабушка и снова задремала.
- Не преувеличивай, Давид! – вмешался Мендель.
- Я не преувеличиваю! Кто не мог встать, танцевали лежа – руками, головами, глазами!

- Вы скажете еще – и кровати танцевали! – смеясь, вставила Вера.
- Пожалуй! – весело добавил Давид.
- Жаль, меня там не было! А вот наше приглашение, - сказала Вера, вручая Давиду конверт.
- О, это великолепно, снова играть в землячестве! – воскликнул Давид, прочитав письмо.
- Но мы не можем предложить вам гонорар.
- Это с меня гонорар - видеть счастливых иммигрантов – греков, поляков, евреев, армян!
- Вы тоже были счастливы? – спросила Вера.
- Будь счастлив – главный американский закон. Здесь бог утирает слезы с горестных лиц!
- Довольно, Давид, ты слишком возбужден, - остерег Мендель.
- Факел свободы указал путь всем страждущим Европы, осветил темные чердаки России...
- Прошу тебя, Давид! – настойчивее повторил Мендель.
- Я объясняю мисс Ревендаль, что значит для меня Америка! – возразил Давид.
- Ты можешь объяснить это в своей Американской симфонии.

При этих словах глаза Веры заблестели.

- Вы сочиняете музыку, Давид? – поспешила с вопросом гостя.
- Ах, дядя, зачем ты... Моя музыка слишком слаба! – смутился юный композитор.
- Ваше сочинение вдохновляется духом Америки?
- Разумеется! Страна наша – это великий плавильный котел, сплавляющий народы и расы!
- Не согласитесь ли продемонстрировать отрывок на нашем концерте?
- Для этого нужен оркестр!
- Вы на скрипке, я на фортепиано...
- Вы играете на фортепиано, а я подумал, вы пришли брать уроки! – признался Мендель.
- Я училась в Петербурге, а родом из Кишинева. Какая может быть в Кишиневе музыка?
- Кишинев! – вскрикнул Давид.
- Успокойся, Давид! – бросился к нему Мендель.
- Какая музыка в Кишиневе – только похоронный марш! Отец! Мать! А... убийцы!..

Давид разразился истерическими рыданиями. Мендель спешно увел его в соседнюю комнату. Вера побледнела: “Что я сделала? Что я сказала?” Вернулся Мендель.

- Где Давидка? – встрепелась госпожа Квиксано.
- Тебе что-то приснилось, мама. Спи! – успокоил ее Мендель.
- Его родные были убиты? – хриплым шепотом спросила Вера.
- Во время погрома. У него на глазах.
- Нигде жизнь так не оскорбляет и не калечит, как в России. Как он уцелел?
- Пуля попала ему в плечо. Погромщики думали, он мертв. Это спасло его.
- Изверги! Я стыжусь моей страны, - со слезами проговорила Вера.
- Иногда я боюсь за его рассудок.
- Никогда больше не упомяну при нем этот город!
- Ему необходимо учиться, ехать в Германию, - свернул на другое Мендель.
- Разве поздно?
- Нет, не поздно. Вот если бы ваши друзья помогли ему!
- Мой отец любит музыку. Но нет, он живет в Кишиневе. Впрочем, есть кое-кто. Я сообщу.
- О, благодарю вас!
- Сейчас вы должны идти к Давиду. Мы ждем его на концерте.
- Вы так добры, мисс Ревендаль!
- До свидания, господин Квиксано. Надеюсь, Давид станет новым Рубинштейном!
- Какой сильный снегопад! – воскликнул Мендель, открыв дверь.
- Мы, русские, привыкли к этому!

Вера ушла взволнованная. Мысли смешались. “Что он пережил, бедный мальчик! Еврей! Замечательный еврейский парень! Давид – то был юный пастух с арфой и псалмами, певец народа Израиля...”

2 Второе чудесное превращение

Учитель музыки Мендель Квиксано живет в Нью-Йорке с матерью и с племянником Давидом. Юноша единственный из всей многочисленной семьи уцелел в пагубе Кишиневского погрома и бежал к дяде в Америку.

Давид с безоглядным молодым задором верит в живительную обновляющую силу свободной страны и не приемлет скептицизм старшего поколения своих домашних. “Скептику нужен фонарь, чтоб разглядеть, блистают ли звезды” – думал о них Давид. Скрипач-самоучка, наделенный выдающимся музыкальным даром, он сочиняет симфонию, сталкивая в своем творении мрак старой замшелой Европы с сиянием надежд Нового света.

В доме Квиксано прислуживает молодая ирландская девушка Кетлин. Бедняжка никак не может подладиться к прихотям набожной хозяйки, требующей соблюдения в доме еврейских традиций, абсурдных по мнению христианки. И нет мира меж двумя женщинами.

- Черт побери это масло! – взвизгнула Кетлин, выскочив из кухни.
- Будь проклята Америка вместе с тобой! – раздался ей вдогонку голос госпожи Квиксано.
- Опять воюют мать и Кетлин... – обреченно вздохнул Мендель.
- Не нравится Америка – можете отправляться в свой Иерусалим! - огрызнулась Кетлин.
- Даже домработницам мы здесь мешаем... – пробормотал Мендель.
- И за сто долларов в неделю не стану служить у евреев!
- Кетлин! – вскричал Мендель.
- Ой, я думала вас здесь нет!
- И поэтому вы смеете грубить моей матери!
- Она обвинила меня в том, что я положила мясо на тарелку, где лежало сливочное масло!
- Вы же знаете, Кетлин, это против нашей веры!
- Но она лжет! Я положила масло на тарелку, где лежало мясо!
- Ничем не лучше. Это запрещено у нас.
- Тут сам Папа Римский не разберется. Какая бестолковая религия!
- Вы говорите дерзости. Занимайтесь вашей работой, - сказал Мендель и сел к роялю.
- А я что делаю? Скатерть белую стелю к вашему шабису!
- Хватит пререкаться, вы мешаете мне играть.
- Мне необходимо говорить с кем-нибудь.
- Вам платят за работу, а не за разговоры. “У короткого ума длинный язык” – подумал он.
- Старуха ворчит и придирается. Мясо, молоко, тарелки! Разобью всю посуду, и конец!
- Не посуду, а веру вы разбиваете! – заявил Мендель, отвлекшись от нот.
- Я раньше вела еврейские дома, где мясо и масло уживались в одной тарелке!

Менделю это показалось забавным, он рассмеялся. Кетлин заявила, что на дурацкий кашрут ей наплевать. Мендель развеселился еще больше.

- Я не намерена слушать насмешки от евреев! Предупреждаю о своем уходе за неделю!
- Ерунда. Никто не смеется над вами. Терпение, и вы освоитесь с нашими привычками.
- У вас у каждого свои привычки. Один соблюдает шабис, другой – нет!
- Делайте, как хочет моя мать, этого будет достаточно.

- Я не понимаю ее тарабарщину. Пусть говорит по-английски, как христианка!
- Если у вас такое на уме, вам лучше здесь не оставаться! – рассердился Мендель.
- Я уйду немедленно!
- Вы не имеете права!
- Имею! Можете оставить себе мою зарплату!

Звонок в дверь прервал приятную беседу. Явилась Вера Ревендаль с намерением пригласить Давида выступить с концертом в их землячестве. Затем пришел Давид. Приглашение было с радостью принято. Нечаянно брошенное Верой замечание о ее родине, городе Кишиневе, напомнило Давиду о пережитой трагедии. С ним сделалась истерика. Уняв племянника, Мендель собрался уходить.

- Куда ты, дядя?
- А куда мне идти в канун субботы? В синагогу!
- Ах, дядя, как ты привязан к старым традициям!
- Нам нельзя терять точку опоры, дорогой мой Давид.
- Тогда зачем ты в Америке, а не в Палестине?
- Мне некогда объяснять, - гневно ответил Мендель и исчез за дверью.

Из своей комнаты вышла Кетлин. По одежде видно было, что она собралась уходить. В одной руке чемодан, в другой – зонт. Давид с удивлением посмотрел на нее. Он не застал решительную ссору, случившуюся между дядей и Кетлин, и не знал о ее намерениях.

- Вы выходите в такую ненастную погоду?
- А кто меня остановит?
- У вас поручение? Давайте, я выполню его!
- Довольно с меня поручений! Я уйду совсем!
- Кто вас гонит?
- Ваша богобоязненная бабуся меня вконец извела!
- Что могла сделать бедная женщина, которая...
- Я положила масло на мясную тарелку, я смешала посуду, я...
- О, я понимаю, Кетлин! Но она привыкла к этому с детства. Ее отец был раввином.
- Это кто? Священник?
- Что-то вроде. Ее муж сидел над святыми книгами. Она сама справлялась с домом и детьми.
- Муж святоша... Как тяжело одной!
- Он умер. Дети покинули ее. Она осталась без средств к существованию.
- Одинокость старости всем бедам беда. Несчастливая старая леди...
- Не такая уж и старая. Она вышла замуж в пятнадцать лет.
- Бедное юное создание...
- Она была ангелом. Ухаживала за больным, прислуживала умирающему.
- И не боялась?
- Она ничего не боится. Она боится только за меня.
- Святость во плоти!
- Она так добра ко мне! Я помню ее пасхальный пирог, мацу, смоченную изюмным вином...
- О, мацу я знаю! Восхитительный вкус со сладким вином!
- Дядя купил ей билет до Америки. Но она одинока и несчастна в непонятной ей стране.
- Ах, мистер Давид! – в расстроенных чувствах воскликнула Кетлин.
- В этот субботний вечер она будет сидеть одна, смотреть, как убывает огонь в камине.
- Ах, мистер Давид!
- Камин остынет. Дрожа, она поплетется в свою комнату, печальная, с мыслями о смерти.

Жалостливое сердце Кетлин не выдержало, она разрыдалась.

- О, мистер Давид! Я не буду смешивать посуду! Клянусь, не буду!
- Конечно, Кетлин. Спокойной ночи.

Кетлин яростно сорвала с себя пальто, скинула шляпу, бросилась к камину – поддержать угасающий огонь...

3 Веселый Пурим

Юный скрипач и начинающий композитор Давид Квиксано эмигрировал из России в Америку и поселился в доме Менделя, своего нью-йоркского дяди. Давид – музыкальный самородок. Это вместе и радует, и тревожит Менделя. Он мечтает, чтобы одаренный племянник достиг музыкальной славы, а не повторял бы его серую карьеру ординарного дирижера и учителя музыки. Мендель хочет отправить Давида в Германию – овладеть искусством композиции.

Вера Ревендаль, душа русского землячества в Нью-Йорке, обрела за океаном убежище от гонений царских властей. Случай свел ее с Давидом, и она пригласила его выступить с концертом в ее епархии.

Ирландская девушка Кетлин прислуживает в доме Менделя. Рвением и трудами она освоила малопонятные для христианки иудейские традиции и кашрут.

Обаяние Давида совершило чудесные превращения в головах женщин. Вера и Кетлин быстро, безболезненно и необратимо расстались с антиеврейскими предрассудками.

- Давид! – зовет Мендель, пытаясь привлечь внимание юноши.
- Минутку, минутку, дядя! – восклицает племянник, погруженный в сочинительство.
- Давай поговорим серьезно наконец!
- Наконец? Да, да... я обдумываю финал симфонии. Сейчас я раб вдохновения!
- Хорошая новость, Давид. Мисс Ревендаль приведет кое-кого, и...
- Потом, дядя... – рассеянно обронил увлеченный творец.
- Давид, есть надежда, что тебя пошлют учиться в Германию!
- Я видел, как дети солжатали нашему флагу! – выкрикнул Давид, записывая ноты.
- В молодости и мне казалось, что весь мир ликует вместе со мной...
- Я слышал голоса детей, покинувших страны тирании! У меня слезы стояли в глазах!
- Боюсь, только у тебя.
- Эти еврейские дети вырастут американцами! Свободными людьми!
- Давид, я просил тебя быть серьезным. Ты хочешь, чтобы твою музыку знал мир?
- Весь мир и на все времена!
- Но ты же не думаешь, что это придет без серьезного образования?

Очередная попытка Менделя была прервана появлением Кетлин. Она несла поднос, на котором горомоздились и источали сладкий запах всевозможные гоменташи. Лицо ее украшала маска в виде огромного карикатурного носа.

- Что это значит, Кетлин? – в изумлении воскликнул Мендель.
- Ах, простите..., - сказала Кетлин и сняла маску, - я хотела ободрить хозяйку, она грустит...
- Грустит? – переспросил Давид.
- Разумеется, ведь сегодня наш Пурим! – пояснила ирландка.

- Сегодня Пурим... – протянул Мендель.
- Однако, в Пурим надо веселиться, ведь это – как ваш карнавал! – пояснил служанке Давид.
- Вы не празднуете карнавал, оттого она и печальна, – попеняла Кетлин.
- Кто помнит Пурим в Америке... – с горечью произнес Мендель.
- Я купила носы для всех, а они валяются без дела! – добавила она с укоризной.
- Бедная бабуля! Позови ее, Кетлин. Я сыграю для нее что-нибудь веселое в честь Пурима!
- Не здесь, Давид. Скоро придут важные гости, – сообщил Мендель.
- Я буду играть на кухне.

В кухне зазвучала скрипка, донеслись звуки веселого танца. Улыбка осветила лицо госпожи Квиксано. Кетлин сама не заметила, как ноги ее задвигались, подчиняясь такту музыки, и, наконец, она пустилась в пляс. Даже Мендель чуть было не поддался порыву, да звонок в дверь отрезвил его. Он выглянул в окно. У подъезда стоял автомобиль. Вошли Вера Ревендаль и с ней Квинси Девенпорт – нью-йоркский денежный мешок, – мужчина лет тридцати пяти, спортивного сложения, с красивым лицом, отмеченным чертами самодовольства, коим природа замазывает прореху в уме.

- Прошу, присаживайтесь! – пригласил Мендель.
- Разрешите представить: мистер Квинси Девенпорт, – сказала Вера.
- О-о-о, – только и вымолвил Мендель.
- Квинси готов принять участие в судьбе вашего племянника.
- Я пойду приготовлю Давида.
- Приготовьте его к приходу еще одного визитера, – сказала Вера, усаживаясь.
- Поппи опаздывает! – воскликнул Квинси и тоже сел за стол.
- Поппи? – переспросил Мендель.
- Паппельмейстер! Дирижер моего частного оркестра.
- Вашим оркестром руководит сам Паппельмейстер? Великий дирижер!
- Не платил бы я ему двадцать тысяч, если бы он таковым не был! – заметил Квинси.
- Я приведу Давида, угощайтесь чаем и этими гом... и этим печеньем!
- Я слышу отличную музыку. Это ваш протеже играет? – спросил Квинси.
- О, это он просто дурачится! – ответил Мендель.
- Поппи очень строг, с ним лучше не дурачиться!

Мендель отправился на кухню сообщить Давиду о приходе важных гостей. Музыка смолкла. Вера и Квинси остались наедине.

- Вы любите чай с лимоном, мистер Девенпорт?
- Последний раз я принимал это угощение из прекрасных рук вашей матери, баронессы.
- Не упоминайте мою мать. Она умерла.
- У вас нет причины стыдиться вашей мачехи. Она блестящая русская аристократка.
- Вы встречали ее и моего отца в России?
- Именно! Когда я посылал вам свои послания любви...
- Добавить молоко в чай?
- Мы подружились в России. Веселая страна. Русские смело смотрят жизни в лицо.
- Я больше видела там таких, кто смело смотрит смерти в лицо... Сахар?
- В нашу первую встречу я платил сто долларов за каждый кусок сахара, что вы мне клали!
- Вы пили сироп!
- Я ненавижу сахар, но я принес себя в жертву.
- Кому? Землячеству?
- Вам, мисс Ревендаль! – сказал Квинси, придвигаясь к Вере.
- Берите печенье!
- Вера, не забываете ли вы наши лучшие дни, не забываете ли меня?

- Мне кажется, вы забываете себя, мистер Девенпорт, - ответила Вера, отодвигаясь.
- Вы имеете в виду мою женитьбу на этой раскрашенной кукле? Ведьма!
- Брак с опречной звездой не гарантирует семейной идиллии.
- Я добьюсь развода! – воскликнул Квинси, снова делая попытку придвинуться к Вере.
- Вы заставляете меня сожалеть о моем расположении к вам, - сказала Вера, вставая.
- Только не лишайте меня этого! Ваш отец надеется... я обещал ему...
- Вы смели обсуждать мои дела?
- Барон жадно расспрашивал о вашей жизни в Америке.
- Наши жизни разошлись. Он монархист, а я радикалка.

Раздался звонок. Появилась Кетлин. Она открыла дверь и вновь исчезла на кухне. Вошел господин Паппельмейстер: крупная фигура немца с львиной головой и гривой седых волос. Он серьезен и немногословен.

- Дом господина Квиксано? – спросил Паппельмейстер.
- Опоздали, Поппи! – гаркнул Квинси вошедшему, но тот вместо ответа поклонился Вере.
- Польщена новой встречей с вами, господин Паппельмейстер, - с почтением сказала Вера.
- Мне приятно.
- Господин Паппельмейстер, садитесь, будьте любезны, - пригласила Вера.
- Благодарю.
- Хотите чаю, господин Паппельмейстер? – продолжила Вера роль хозяйки.
- Поппи предпочитает пиво! – весело выкрикнул Квинси.
- Чаю. Спасибо.
- Пожалуйста! – услужливо ответила Вера, приготавливая чай.
- Сахар. Лимон. Четыре ломтика, если можно. Спасибо.

Вбежала озабоченная Кетлин и принялась что-то искать под столом, под креслами, по всей комнате.

- Что вы потеряли? – спросил Квинси.
- Нос!
- Простите, что? – переспросила Вера.
- Да говорю же, нос!
- Ах, вот он! – обрадовалась Кетлин, обнаружив пропажу под стулом Паппельмейстера.
- Зачем вам маскарадный нос? – поинтересовалась Вера.
- Сегодня наш праздник!
- Какой сегодня праздник? – недоуменно спросил Квинси.
- Наш еврейский карнавал! Пурим!
- Мисс Ревендаль! Неужто вы привели меня в дом к еврею? – возопил Квинси Девенпорт.

4 Вы уволены!

Юный Давид Квиксано, эмигрант из России, едва уцелевший в Кишиневском погроме, нашел убежище в Нью-Йорке. Давид – талантливый музыкант-самоучка, скрипач и композитор. Его дядя, Мендель Квиксано, тоже музыкант, приютил племянника и теперь жаждет дать ему основательное музыкальное образование.

Давид влюблен в Америку и полагает в ней гигантский котел, выплавляющий новую свободную расу из миллионов людей всех стран земли, которым трудная наука свободы милее сладкой привычки к колыбельным песням деспотии и нищеты.

Молодая русская аристократка Вера Ревендаль укрылась в Америке от царского гнева за некие революционные деяния. Беспокойная судьба свела Веру и Давида и, кажется, приготовила бурю с очистительной грозой.

Следуя в русле устремлений Менделя, Вера привела в дом Квиксано великого дирижера Паппельмейстера и богатого мецената Квинси Девенпорта, дабы мастерство удостоверило, а золото поддержало юное дарование, и Давид смог бы отправиться на учебу в Германию.

Квинси Девенпорт с досадой обнаружил, что попал в еврейский дом. Вера старается успокоить расстроенного толстосума.

- Я думала только о таланте, а не о происхождении, - сказал Вера.
- В мой частный оркестр я не беру евреев! – провозгласил Квинси.
- Тем не менее, они у вас есть!
- Поппи, в моем оркестре есть евреи? – обратился Квинси к Паппельмейстеру.
- Вы хотите спросить, есть ли христиане? – уколол ответом дирижер.
- Вот как? Может, и вы еврей, Поппи?
- Не имею чести. Если желаете, исключу из программы композиторов евреев.
- Разумеется! Всех поголовно исключить!
- Хорошо. Не будет больше оперетты.
- Почему?
- Все оперетты сочинены евреями!

Из кухни возвратился разочарованный Мендель.

- Я сожалею, я не могу уговорить Давида выйти к вам, – сказал Мендель.
- За чем же дело стало? – удивился Квинси.
- Он робок...
- Вы сказали ему, что я здесь? – спросила Вера.
- Разумеется.
- Какое разочарование... – проговорила Вера.
- Но он разрешил показать свою рукопись.

Паппельмейстер углубился в чтение рукописи. Мендель стал заранее оправдывать несовершенство сочинения, ссылаясь на отсутствие хорошего образования у племянника.

- Вы сыграете нам что-нибудь? – выразил нетерпение Квинси.
- Я не оркестр. Я играю это в своей голове, - бросил Паппельмейстер.
- Кажется, вам не нравится это? – робко спросила Вера великого дирижера.
- Я не могу это постичь! – воскликнул Паппельмейстер.
- Наверное, там полно ошибок... – уныло заметил Мендель.
- Вот и нужно отправить Давида учиться в Германию, - сказала Вера.
- Вернул бы туда всех евреев! – забыв о присутствии Менделя, брякнул Квинси.
- Вы мешаете господину Паппельмейстеру! – гневно одернула его Вера.
- Это что-то новое! Флейты, кларнеты! – восхитился Паппельмейстер.
- Bravo, bravo! Я так взволнована!
- Так это недурно, Поппи?
- Ах, великолепно! Соло арфы... вторые скрипки!
- Я всегда говорил, что он гений! – заявил Мендель.
- Ему нечему учиться в Германии, скорее он ее научит! – воскликнул дирижер.
- Американская симфония, не так ли? – уточнил Квинси.
- Именно! – ответил Паппельмейстер.

- Приму в одну из своих программ.
- Это будет исполняться в мраморном зале с видом на Гудзон? – спросила Вера.
- Разумеется. Перед пятьюстами лучшими людьми Америки.
- О, благодарю вас! Это уже слава! – воскликнул Мендель.
- И деньги! Не забывайте: деньги! – добавил Квинси.

Не помнящий себя от радости Мендель скрылся на кухне. Через минуту вернулся вместе с Давидом. Тот упирался, но на сей раз уступил.

- Ах, мистер Квиксано, я так рада!
- Молодой человек, вас услышит утонченная публика в лучшем моем зале!
- Почему вы молчите? – обратилась Вера к Давиду.
- Не знаю, как благодарить вас..., – пробормотал Давид.
- Не меня, мистера Девенпорта!
- Большая честь познакомиться с мистером Паппельмейстером! – сказал Давид.
- Но это устроил мистер Девенпорт! – с тревогой возразила Вера.
- Прежде чем я приму благодеяние, я хочу лучше узнать благодетеля.
- Я к вашим услугам, молодой человек!
- Я знаю, сэр, вы не зарабатываете тех денег, которые тратите.
- Что-что? – изумился Квинси.
- Давид хотел сказать, что вы не занимаетесь бизнесом, - сгладила Вера.
- Верно ли, сэр, что вы поглащены развлечениями? Так пишут газеты!
- Довольно, Давид! – вскрикнула Вера и взглянула на ошалевшего Менделя.
- Интересно знать, что люди читают обо мне!
- Правда, что вы венчались на воздушном шаре?
- Чистая правда! Женитьба в светском обществе!
- В Америке вы лишь два месяца в году ради развлечения богатых европейцев...
- И ради вашей славы, почтенный. Вашу дребедень услышат принцы и герцоги.
- Вы устраиваете венецианские каналы во дворце, и гости едят в гондолах!
- Вера, как жаль, что вы тогда отклонили мое предложение..., - сказал Квинси.
- А в это время в Нью-Йорке дети умирают от голода! – прокричал Давид.
- Что, простите? – не понял Квинси.
- Такого сорта люди будут слушать мою симфонию? – не сдержал гнева Давид.
- Хватит, Давид! - взорвался Мендель.
- Я не стану вашей новой затеей, мистер Девенпорт! Ни я, ни моя симфония!
- Неблагодарный! – взревел Квинси.
- Меценатство душист свободу художника!
- Сырый неудачник!
- Не для таких, как вы, предназначена моя музыка! Вы убиваете мою Америку!
- Его Америка! Жалкий еврей-иммигрант!
- Да, я еврей! Но ваших отцов-основателей вдохновлял наш Ветхий Завет!
- Вера, вы не говорили мне, что ваш еврей-сочинитель еще и социалист!
- Слава Америки обязана евреям-иммигрантам больше, чем вашей когорте!
- С меня довольно, я ухожу!
- Примите мои извинения, мистер Девенпорт..., – пролепетала Вера.
- Будьте снисходительны, он еще только мальчик! – взмолился Мендель.
- Моя Америка отторгнет вас! – пророчески страстно провозгласил Давид.

На протяжении всей перепалки господин Паппельмейстер молчал и слушал. Последние слова Давида произвели на него возбуждающее действие.

- Да здравствует Квиксано! – на думая о последствиях выкрикнул дирижер.
- Поппи! Вы уволены!

5 Ты не наш

Благословенная Америка дала кров и вдохновение Давиду Квиксано, молодому музыканту-самоучке, бежавшему из Российской империи от кошмара Кишиневского погрома.

Его дядя Мендель Квиксано и с ним заодно юная русская иммигрантка Вера Ревендаль одержимы желанием отправить Давида в Германию учиться композиции.

Талантливый дебютант сочинил симфонию во славу свободного Нового Света. Великий дирижер Паппельмейстер превознес до небес новаторское произведение.

Богатый Нью-Йоркский меценат Квинси Девенпорт собрался было снабдить юное дарование деньгами на учебу, но социалистические взгляды молодого русского еврея удержали щедрую руку толстосума и юдофоба.

Паппельмейстер, дирижировавший частным оркестром Квинси Девенпорта, был уволен своим капризным нанимателем за то, что в словесной перепалке, возникшей между Квинси и Давидом, взял сторону музыканта.

- Мисс Ревендаль, я ухожу. Вы со мной? – воскликнул Квинси.
- Ах, мистер Девенпорт., - нерешительно пробормотала Вера.
- Это вы, мисс Ревендаль, привели меня в этот еврейский дом! Так вы идете?
- Примите мои извинения...
- Оставайтесь со своим евреем! – потеряв терпение заявил Квинси и вышел.
- Господин Паппельмейстер, из-за меня вы лишились места., - повинулся Давид.
- Но сберег душу. До скорого свидания, - сказал дирижер и откланялся.
- Все пропало, Давид! – вскричала Вера, когда они остались вдвоем.
- Мне отвратительны благодеяния богатых снобов! – упрямо заявил Давид.
- Я тоже не люблю светское общество, но вы отбросили лестницу к успеху...
- Знаю, вы желаете мне добра, но я не согласен быть у них в долгу.
- Они могли открыть дорогу вашей музыке...
- Для них Европа – дворец искусств. Но стены дворца испачканы кровью мучеников.
- Довольно об этом. Я не помогла вам. Значит, нет более причины встречаться...
- Наказываете меня? Обижены неблагодарностью? Я причинил вред лишь себе.
- Не видеть вас – наказание для меня самой! – призналась Вера и вспыхнула.
- О, мисс Ревендаль! Это правда? Это слишком невозможно!
- Прощайте...
- Обещайте, что не навсегда! – взмолился Давид и порывисто взял Веру за руку.
- Обещаю, Давид., - прошептала Вера, взволнованная прикосновением.
- Вера, дорогая!
- Мой дорогой, мой дорогой., - вырвалось у нее, и вот уж она в его объятиях.
- Это сон! Могу ли я нравиться тебе? Ты паришь высоко-высоко...
- Как простодушен ты, Давид! Твой талант возносит тебя к звездам!
- Это ты возвышаешь меня!
- Возвышаю? Меня учили унижать твой народ! - сказала она, глядя Давида по волосам.
- Таковы русские, - вздохнул Давид.
- Особенно мы, аристократы.
- Ты аристократка?

- Мой отец – барон Ревендаль. Но у меня своя жизнь.
- Значит, он не разлучит нас?
- Никто и ничто не разлучит нас! – неколебимо заявила мисс Ревендаль.

За дверью слышались шаги. Это вернулся Мендель, который тщетно пытался убедить Квинси не отказываться от благородного замысла. Давид и Вера разомкнули объятия. Вера бросилась к выходу, столкнулась с Менделем и выскользнула наружу.

- Вот и мисс Ревендаль покинула нас. Ты отвадил всех друзей, Давид.
- Не всех, дорогой дядя, не всех!
- Отчего ты сияешь, как новенький цент? Не вижу повода.
- Я счастлив!
- Счастлив?
- Вера любит меня!
- Вера?
- Мисс Ревендаль.
- Ты сошел с ума!
- Ангел сошел с небес!
- Но ведь ты еврей!
- А она – дочь барона!
- Вот видишь! Ты не можешь жениться на ней!
- Жизнь сильнее твоих догм!
- Догмы? Голос крови вопиет сквозь поколения!
- Америка – это котел, сплавляющий народы.
- Другие народы – да, наш – нет!
- Разделение рас – горький плод их тщеславия.
- Наш народ сотворен не для сходства, а для несходства с другими народами.
- Гордыня и мечты, жертвы и обычаи – все наше обезличится в глыбе новой расы!
- Еврей побывал в тысяче котлов, но не плавился, а лишь крепчал!
- Крепчал в котлах ненависти, но плавит людские сердца огонь любви!
- Мы не стали испанцами в Испании, турками в Турции, голландцами в Голландии!
- Мы должны смотреть вперед!
- Мы и назад должны смотреть!
- И увидим Кишинев, погромы, злобные лица убийц!
- Успокойся, Давид!
- Новая кожа не нарастет на клейме прошлого, но безумно не уповать на будущее!
- Это твои упования безумны. Еврея здесь ненавидят, как везде!
- Я верю в Америку, я верю, что Америка верит в нас!
- Избавь меня от болтовни. Иди и женись на шиксе!
- Уходить? Ты гонишь меня?
- Если останешься – розобьешь сердце моей матери. Ты отрекся от веры отцов!
- А вера сынов? Что с нею?
- Жизнь ответит. Я скрою от матери. Не хочу, чтоб оплакивала тебя, как умершего.
- Я должен уйти. Мой мир шире.
- Иди. Ты не наш...

6 Житья от них нет

Сведшие дружбу в Нью-Йорке Давид Квиксано и Вера Ревендаль – еврей и русская аристократка – оба эмигрировали из Российской империи в Америку, оба молоды и

преисполнены благородных помыслов, оба, с трудом веря глазам и ушам своим, счастливые и изумленные, обнаружили однажды, что любят друг друга.

Российское прошлое талантливого музыканта Давида омрачено гибелью его семьи в Кишиневском еврейском погроме. Активная деятельница русского землячества антимонархистка Вера скрывалась за океаном от царских властей.

Американский миллионер Квинси Девенпорт, имевший виды на Веру, привез в Нью-Йорк ее отца барона Ревендаля и его вторую жену. Барон, бескорыстный и самоотреченный приверженец царя, страстно желал помириться с дочерью-революционеркой. Квинси, в свою очередь, надеялся извлечь пользу из намечавшегося консенсуса меж поколениями Ревендалей.

Гостиная мисс Ревендаль в доме землячества украшена цветами и репродукциями картин. Открыто пианино, на нем ноты. Мебель простая и изящная.

В отсутствие хозяйки служитель сопровождал в ее гостиную трех визитеров. Это Квинси Девенпорт и барон Ревендаль с супругой. Барон высок ростом, костюм его безупречен, как и английский язык в его устах. Строевая выправка и манеры военного аристократа добавляли штрихи к портрету верноподданного и высокопоставленного служаки. Баронесса много моложе мужа, ее наряд и украшения одновременно шикарны и грубы.

- Прошу вас, - сказал служитель, - мисс Ревендаль находится в саду на крыше. Я доложу.
- Странный народ, эти американцы: сад устраивают под небесами! - заметил барон.
- А чудный парк внизу! – подхватила баронесса.
- Наша американская безвкусица. Сравните с садом Медичи в Риме! – воскликнул Квинси.
- Ах, Рим! – вздохнула баронесса.
- Барон, я доставил вас в логово львицы, вашей дочери. Мне пора заняться дрессировкой.
- Ваши эпитеты изумительно милы, господин Девенпорт, - пробурчал барон.
- Вам понравилась езда на автомобиле, господа?
- Это уличное средство передвижения выглядит устрашающе! – простонала баронесса.
- Как, сидя в нем, защититься от анархиста, целящегося вам в голову?
- У нас их не так много, барон!
- Когда я сошел на берег, я обратил внимание на нескольких шпионов-головорезов...
- Это журналисты из газеты, они безвредны.
- Но они делали фотографические снимки!
- Чего ж тут опасаться? Они задавали вопросы?
- И много! Но я дипломат. Я не отвечал.
- У нас в Америке это не выглядит слишком дипломатично.
- Осторожно! В окне мелькнул террорист с бомбой в руках!
- Не паникуйте, барон. Это всего-навсего повар несет супницу. Почему вы так взвинчены?
- Виноваты интеллигенты и евреи – ненавистники моего мужа, - объяснила баронесса.
- В Америке вы в полной безопасности, барон. Кстати, располагайте моим автомобилем.
- О, благодарю. В общественном транспорте можно оказаться между евреем и черным.

Уверенный тон Квинси Девенпорта несколько успокоил барона. Дело защиты царя и русской веры здесь, в Америке, не представлялось господину Ревендалю столь опасным, как в наводненной интеллигентами и евреями России.

- Вас восхищает европейская культура, Девенпорт, а нас – американское гостеприимство!
- Я не бескорыстно послал за вами яхту в Одессу: вы позарез нужны мне в Нью-Йорке.
- Если только мы прибыли вовремя!

- Вовремя. Они еще не поженились.
- Ох, эти евреи-подонки! – в сердцах воскликнул барон.
- Житья от них нет! – поддакнула баронесса.
- Вера не запятнает фамилию Ревендаль таким позором! Иначе застрелю ее и себя!
- Барон, здесь так не делают. И потом, если вы ее застрелите, что со мной станется?
- Что вы имеете в виду? – спросил недогадливый барон.
- Еще не смекнули? Не из ненависти к иудею, а из любви к христианке я привез вас сюда!
- Ах, как прелестно! Это же роман! – загорелась баронесса.
- Но вы же женаты! – вскричал барон.
- Ах, какая жалость!
- Вы забываете, что вы в Америке, господа. Закон дал, закон и взял!
- И ваша жена согласится на развод? – спросила баронесса.
- Несомненно. Она бредит сценой. Я буду держать для нее театр.
- А Вера? – вскричал барон, шокированный несправедной свободой нравов.
- Она увлечена своим евреем, и не хочет меня видеть. Я надеюсь, вы поправите дело.
- Мы? Какое влияние я имею на дочь? А баронессу Вера вообще не знает.
- О, не лишайте меня надежды!
- Думаете легко избавиться от еврейской скотины?
- Только не стреляйте в Веру, стреляйте лучше в скотину! – пошутил Квинси.
- Для хриstopродавцев жалко пуль. В Кишиневе их кололи штыками!
- А, я читал об этом. Вы видели резню? – спросил Квинси.
- Видел? Я был в центре событий! Я управлял округом!
- Вот это да! Я думаю, барон, в Америке вам об этом лучше не распространяться.
- Почему? Я горжусь этим!
- Мой муж награжден орденом Святого Владимира!
- Евреи грабят, развращают, спаивают, насмеваются. Они виновники всех революций.
- Житья от них нет! – повторила баронесса.
- На вашем месте, господа, я бы помолчал об этом. Мы, в Америке, несколько щепетильны...
- Пустая щепетильность пахнет лицемерием. У вас линчуют черных! – воскликнул барон.
- Однако, в Америке это не исходит от властей! Зато ваши черные сотни...
- Черные сотни – это белое воинство Христа! Евреи захватили прессу и сеют ложь на западе.
- Боже мой, истинные русские могут стать рабами в своей стране! – ужаснулась баронесса.
- Нет, мы не станем ждать, пока иудеи погубят святую Русь!
- Что же вы собираетесь делать с вашими евреями? – спросил Квинси, ухмыляясь.
- Треть надо крестить, треть – уничтожить, и треть – пусть эмигрирует сюда.
- Благодарю, барон. С меня довольно и одного вашего еврея! Мы остановим иммиграцию.
- Остановить иммиграцию? Но это бесчеловечно, господин Девенпорт!
- Мы обсуждаем еврейскую проблему слишком широко.
- Она того заслуживает, - поддержала мужа баронесса.
- Давайте решим нашу собственную проблему с паршивым скрипачом.
- Я уж говорил, как не просто избавиться от еврея!
- Постарайтесь!
- У вас серьезные намерения в отношении Веры, господин Девенпорт?
- Самые наисерьезнейшие, баронесса! А теперь прощайте, господа.

7 Нельзя не любить его

Разные резоны побудили покинуть Российскую империю Давида Квиксано и Веру Ревендаль. Но один резон – любовь – соединил их души. В Америке, где обосновались молодые иммигранты, союз еврея и аристократки не потрясал устои, как в России.

Барон Ревендаль прибыл в Нью-Йорк со своей второй женой. Любящему отцовскому сердцу нестерпим разрыв с дочерью, и ради примирения с нею барон готов простить Вере грех антимонархизма. Куда как тяжелее барону принять в семью зятя-иудея. Не допустить брак дочери с еврейским музыкантишкой, спасти, пока не поздно, честь дворянской фамилии!

Американский миллионер Квинси Девенпорт влюблен в Веру, хочет жениться на ней и поэтому не менее горячо, чем барон, желает избавиться от Давида. Баронесса мечтает стать тещей миллионера. В надежде на помощь барона и баронессы, Квинси привел их в дом Веры. Хозяйка вот-вот должна появиться. Ожидая ее, супруги ведут семейную беседу.

- Алексис, жаль, что ты не ободрил милого Девенпорта, - сказала мужу баронесса.
- Тише, Катюша. Я его только терпел: он был связующей нитью между мной и Верой.
- Мы пользовались его яхтой, автомобилем...
- Он хочет развестись с одной женщиной, чтобы жениться на другой. Это не слыхано!
- Ты все тот же провинциальный бессарабский чиновник, Алексис!
- Хватит!
- Салдофон! Я хочу зятя миллионера! Ты не используешь свое высокое положение! Глупо!
- Ты знала, что я Ревендаль. Мы рук не мараем.
- Свою драгоценную репутацию ты ставишь выше меня и дочери!
- Катюша, ты не знаешь Веру, я не могу навязать ей мужа. Я не властен над женщинами.
- Не властен, ибо женщины – не солдаты! Ты знаешь только: “Молчать! Стой! Марш!”
- Были б солдаты – отведали бы плетки!
- Дикарь!
- Пойми, Катюша, я хочу завоевать ее любовь для себя, а не для Девенпорта.

Раздался звук шагов за дверью. В гостиную вошла Вера.

- Отец! – воскликнула Вера.
- Верочка! Дорогая моя! Ты стала еще прекраснее!
- Ты в Нью-Йорке!
- Баронесса захотела посмотреть Америку. Катюша, это моя дочь!
- И моя тоже, если она позволит мне любить ее, - сладким голосом проговорила баронесса.
- Как ты добрался? – спросила Вера, продолжая обращаться только к отцу.
- Один очаровательный молодой человек одолжил нам свою яхту, - пояснила баронесса.
- Мы хотели сделать тебе сюрприз, Верочка.
- Дождаться минуты, на которую не надеешься почти – чем не сюрприз, отец!
- Я не чувствую дочернего тепла...
- Когда в последний раз мы виделись с тобой, ты не назвал меня дочерью...
- Не вспоминай об этом. Слишком больно.
- Я стояла на пристани...
- Я ненавидел тебя за крамолу в твоей душе, но благодарил бога, что ты спаслась.
- Я больше жалела тебя, чем себя. Надеюсь, на тебя не пало подозрение?
- Еще как пало! Отец не получил повышение, и велик твой долг! – протараторила баронесса.
- Как я могу вернуть долг?
- Вновь полюбить меня, Вера!
- Я боюсь, мы стали слишком чужими... наши взгляды столь сильно разнятся...
- Надеюсь, ты больше не революционерка? – спросил барон, испуганно озираясь.
- С бомбами покончено. В России я боролась с самовластием...
- Тише, дочь, тише!
- Здесь я воюю против нищеты. В Америке я нашла свое предназначение.
- Я в восторге, Вера! – воскликнул барон.
- Позволь поцеловать тебя, чудное дитя! – присоединилась баронесса.

- Я вас недостаточно знаю, я поцелую отца.
- Наконец-то! Я вновь обрел свою маленькую Веру! – воскликнул в великой радости барон.
- Нет, отец. Маленькая Вера осталась в России, с ее матерью, как в дни далекого детства.
- Ах, твоя бедная мать!
- Алексис, я чувствую себя лишней, - с обидой промолвила баронесса.
- Катюша, не надо. Вера и тебя полюбит!

Вера промолчала. Разговор принял новое направление.

- Мы сможем приезжать сюда, когда ты выйдешь замуж, - сказала баронесса.
- Вы уже знаете? Вы видели Давида? – покраснев, спросила Вера.
- Давид? – прохрипел барон.
- Нет, мы не видели Давида, - сказала баронесса и сжала руку барона, удерживая его гнев.
- Так кого же вы имеете в виду? – спросила Вера.
- Мистера Девенпорта, - ответила баронесса.
- Он женат. И я не соглашусь занять место другой женщины. Даже если она мертва.
- Неприятно слышать..., – вновь обиделась баронесса.
- О, простите. Я допустила бестактность. Необходима ясность. Я помолвлена.
- Его имя Давид., - обреченно промолвил барон.
- Да, отец, его имя Давид Квиксано.
- Еврей!
- Да, отец, он еврей. Человек достойный.
- Еврей – достойный человек! – горько усмехнулся барон.
- Его предки в Испании были вельможами, идальго. Крещению они предпочли изгнание.
- Вера! Ты – Ревендаль! И твоим мужем станет некрещеный пес? – возопил барон.
- Ты называешь моего мужа псом?
- Боже, вы уже поженились? – ужаснулась баронесса.
- Нет пока, но мы умеем хранить верность. Давид – гениальный музыкант, и настанет день...
- Алексис, она предпочитает музыканта миллионеру из старинной американской семьи...
- Семья Давида покинула Испанию еще до открытия Америки! – рассмеялась Вера в ответ.
- Какое заступничество! Слово ты стала иудейкой!
- Не более, чем Давид – христианином. Отец, все религии служат одному богу, не так ли?
- Неужели это речь атеистки? – вставила слово баронесса.
- Любимица моя, по мне лучше Сибирь, чем это..., - страдальчески проговорил барон.
- Не рань себя, отец...
- Я так тосковал, так хотел твоих писем, ловил всякую весть о тебе, и вот...
- Отец, если ты так сильно любишь меня, то полюбишь и Давида... ради меня...
- Я полюблю еврея? Это невозможно! – содрогнулся барон.
- Ты хочешь вновь войти в мою жизнь, и я тоже устала от разлуки...
- Но полюбить еврея...
- Ты не должен ненавидеть Давида. Сделай свой выбор.
- Выбор? Полюбить еврея – что взвалить на плечи гору.
- Bravo, Алексис! – воскликнула баронесса.
- Не взваливай на плечи гору. Сбрось с плеч гору. Предубеждений гору. Увидь его сперва!
- Я не хочу его видеть.
- Так услышь его! Он – гений. Тебе не сбежать от него с твоею любовью к музыке.
- Да, музыка – моя страсть.
- Я телефонирую ему. Он близко. Он придет и будет играть для тебя.
- Мы не хотим его! – решительно вмешалась баронесса.

Вера уловила перелом в настроении отца. Замечание баронессы она пропустила мимо ушей.

- Папочка, ты уже меньше хмуришься. Я позову Давида, он придет со своей скрипкой.
- Мы не хотим его! – повторила баронесса.
- Чудной игрой он сотрет последнюю морщинку на твоём лице и последний знак зла в душе.
- Верочка, ты так сильно любишь этого е... этого Давида?
- Нельзя не любить его, папочка! Ты сам увидишь! Я иду телефонировать ему.
- Ты словно воск в её руках! – вскричала баронесса, когда Вера вышла.
- Она единственное мое дитя, Катюша. Её детские ручонки обвивали мою шею...
- У тебя будет зять еврей!
- Ребенком она прятала свое мокрое от слез лицо на моем лице...
- Картавый еврейчик назовет тебя дедушкой!
- Ты сводишь меня с ума!
- Крючконосый внучонок будет прятать свое сальное рыльце на твоём лице!
- Молчать! – вскричал барон.

На физиономии барона отразилась неподдельная мука. Он бессильно уронил голову на стол. Потом сказал, глядя перед собой: “Я не могу вновь потерять Веру... нельзя не любить его...”

8 Порвалась струна

Музыкант Давид Квиксано и бывшая революционерка Вера Ревендаль, молодые эмигранты из России, познакомились в Нью-Йорке и полюбили друг друга. Любовь соединила их сердца над широчайшей пропастью, что пролегла меж Давидом и Верой: он – еврей, она – аристократка, дочь барона.

Давид сочинил симфонию во славу американской свободы. Он был приглашен великим дирижером в лучший оркестр для исполнения партии первой скрипки. Его заработок внушительен, и, кажется, нет помех для скорой женитьбы.

Память Давида омрачена картинами страшного кишиневского погрома. На его глазах были убиты отец и мать, сестры, братья. Он сам уцелел чудом – бандиты приняли раненого за мертвого. Время не ступало лица злодеев, и не заживает душа.

Барон Ревендаль, отец Веры, убежденный монархист и не менее убежденный ненавистник евреев, командовал царскими войсками в Кишиневе в те ужасные дни. Нежное отцовское сердце не вынесло размолвки с дочерью. Желая помириться с нею, барон приехал в Нью-Йорк. Как и отец, Вера хотела мира. Раздор прибавляет цену согласию.

Мысль о намерении дочери выйти замуж за еврея нестерпима для барона. Но если чего-то нельзя избежать, то презирать это можно. Он приготовился принять неизбежное, только бы единственное дитя вернулось в его жизнь.

Давид и Вера говорят о своей любви и о своем будущем.

- Давид, теперь мы сможем, наконец, пожениться!
- Достанет ли моего жалования первой скрипки?
- Несомненно!
- Мы действительно сможем пожениться?
- Если ты этого хочешь...Я не еврейка...
- О, возлюбленная!
- Ты не ответил – ты хочешь? – с тревогой спросила Вера.
- Хочу ли я? О, ангел мой, я жажду!

- Ты станешь думать об одной лишь музыке, забывая обо мне?
- Забыть о тебе? Вслед за музыкой ты в сердце моем!
- Вслед? Я хочу быть впереди! Я хочу, чтоб ты любил меня больше всего остального!
- Я ставлю тебя превыше всего! – спохватился Давид.
- Правда? И ничто не разлучит нас?
- Семь морей не разлучат нас!
- Посулами всякий богат! Я не надоем тебе, когда достигнешь славы?
- Все, чего достигну – все для тебя, любимая!
- Прости мне тревогу и сомнения, но я росла в православии... твой путь совсем иной...
- Мы в Америке. Здесь люди и души сплавляются в котле...
- Отец, кажется, примирился. Бедный, ему нелегко, он так предан Руси!
- А мой народ предан Сиону. Но дети должны идти своею тропой, не отцовской!
- О, ты современный пророк, Давид! Я счастлива. Ты тоже счастлив?
- Я счастлив и я изумлен. Преграды преодолены так внезапно! Трудно поверить...
- Трудно поверить в желанный исход? Откуда меланхолия?
- Не знаю. У нас, евреев, в радости всегда найдешь печаль. Это наша трагическая история.
- Милый, ты добрался до конца трагической истории. Отбрось путы столетий.
- Да, да, Вера. Я жизнерадостен, как прежде. Этот день станет нашим главным днем!

Давид приготовился играть. Скрипка взорвалась ликующей тарантеллой. Послышался стук в дверь. Увлеченный, он не услышал. Дверь приоткрылась, барон Ревендаль неуверенно просунул голову. Давид заметил его. Судорога пробежала по лицу скрипача. Шатаясь, он попятился назад, оказался в объятиях Веры.

- Лицо! Лицо! – прохрипел Давид.
- Что случилось, дорогой? – встревожилась Вера.
- Это пройдет. Никогда еще галлюцинации не были так ярки...
- Что с ним? – резко спросил барон, входя в комнату.

“Не может быть, не может быть...” – бормотал Давид. Неверным шагом он подошел к барону, пытался ощупать знакомое лицо.

- Руки прочь! Назад, пес! – в бешенстве вскричал барон, выхватив пистолет.
- А, вы и мою жизнь хотите взять! Вам мало отца и матери, сестер и братьев!
- Тьфу, умом тронутый! – выпалил барон.
- Нет, не убирайте оружие! Над собой свершите правосудие, вы избежали его в России!
- Правосудие над самим собой? За что? – ахнула Вера.
- За преступления, за поношения!
- Ты бредишь, Давид! – воскликнула Вера.
- Ах, если бы!
- Но это же мой отец!
- Твой отец? О, ужас!
- Вера, я объясню тебе! – проговорил барон, пытаясь притянуть дочь к себе.
- Скажи, что Давид ошибся, что это злодействовала толпа, а ты невиновен.
- Я был с моими солдатами..., - хмуро ответил барон.
- Вновь и вновь вы давали команду солдатам стрелять..., - не отступал Давид.
- Стрелять в беснующуюся пьяную чернь! – с облегчением вскричала Вера.
- Нет! В незащитных евреев – женщин, детей, стариков!
- Боже, не было сострадания на небесах! – зарыдала Вера.
- Не было сострадания на земле! – крикнул Давид.
- Месть за столетия грабежа. Вопль гнева. Глас народа – глас божий! – провозгласил барон.
- Ты мог защитить несчастных, отец!

- У меня не было приказа защищать врагов православия и царя! Я исполнял долг.
- Ты мог остановить погром!
- То был святой крестовый поход. Все народы расправлялись с евреями и побивали их!
- Но лишь в России младенцев наших рвали на куски! Доколе, господи?
- Покуда мы не втопчем вас в вашу грязь! Пойдем отсюда, Вера. Не якшайся с грязью.
- Порой я сомневалась в своей любви... инстинкт тысячелетий... евреи отреклись от Христа...
- Bravo, дочь! Вот это – Ревендаль!
- Но теперь, Давид, я иду к тебе со словами Рут: твой народ – мой народ, твой бог – мой бог!
- Стыдись! – возопил поспешивший ликовать барон.

Вера, взволнованная собственными словами, экзальтированным жестом протянула руки к Давиду. Тот остался холоден и бесстрастен.

- Давид! – издала Вера мучительный крик.
- Ты не можешь прийти ко мне. Река крови разделяет нас.
- Река? Но любовь наша преодолет семь морей!
- Слова! Они легковесны в твоих устах!

Сохраняя спокойствие, Давид говорил о кошмаре погрома. “Кровь хлещет из искалеченных женских грудей, брызжет мозг из расколотых черепов младенцев!” Он рассказал, как убили его сестру, малютку Мирьям, как вырвали язык у отца. Барон помрачнел. Вера плакала. “Только для христиан существуют горизонты славы и счастья, а еврею предписаны казни и муки!” – произнес Давид, и хладнокровие изменило ему, и он разразился истерическим смехом.

- Давид, позволь твоей Вере успокоить тебя! – проговорила она, пытаясь обнять его.
- Не надо этого! Мертвящий холод меж нами!
- Поцелуй меня!
- Я почувствую кровь на твоих губах.
- Моя любовь сотрет ее!
- Христианская любовь! Для кого я покинул своих? Голос в сердце звал меня назад!
- Давид!
- Я не хотел слышать этот голос, я слушал голос дочери палача! Я возвращаюсь домой!
- А твой дом здесь, Вера! – воскликнул приободрившийся барон, протягивая дочери руки.
- Твои руки, отец, издают запах той кровавой реки!
- Не повторяй его болтовню! Ребенком ты ласкалась к этим рукам, а на них запах боя.
- Но не бойни. Ты не солдат, а палач! Я размечталась о счастье, но ты, ты..., - зарыдала Вера.
- Малютка моя, твой плач ножом ранит мне сердце!
- Это ты прострелил мне сердце, приказав стрелять в беззащитных!
- Я вымолю тебе прощение у царя. Спрячь, как прежде свое мокрое лицо на моем...
- Я твоя дочь и я проклиная судьбу за это! Я ненавижу тебя!

Вера вышла. Давид направился к двери. Ревендаль загородил ему дорогу, вновь достал пистолет. “Ты был прав. Воздать каждому свое – вот правосудие. Стреляй в меня!” – угрюмо сказал барон. Давид взял оружие, устремил бессмысленный взгляд на него. Пистолет выскользнул из рук музыканта, задел скрипку. Она издала жалобный стон. “Порвалась струна... мне нужна новая...” – пробормотал Давид.

9 Отличная пьеса, мистер Зангвилл!

Казалось, ничто не омрачит близкого счастья российских иммигрантов Давида Квиксано и Веры Ревендаль. Чистый родник американской свободы смыл пятна европейских предрассудков в их молодых душах. Полюбившие друг друга еврей и аристократка вознамерились соединить свои судьбы узами брака.

Ретроградные взгляды Менделя, дяди Давида, не уживались с безбожными новациями века, кои отстаивал неблагодарный племянник, покинувший ради возлюбленной теплый и хлебосольный дядин дом.

Музыкальный дар Давида Квиксано был замечен и оценен великим дирижером Паппельмейстером, который с воодушевлением принялся репетировать сочиненную юным композитором симфонию и поручил ему исполнять партию первой скрипки.

Над молодым музыкантом довлели воспоминания о кошмаре пережитого им Кишиневского погрома. Вся семья Давида была зверски убита, а сам он уцелел чудом.

Отец Веры, барон Ревендаль, монархист и юдофоб, приехал из России в Нью-Йорк с намерением помириться с дочерью. Брак аристократического отпрыска с евреем – невыносимо тяжелое испытание для русского дворянина, но в надежде вернуть в свою жизнь единственное дитя барон готов был проглотить горькую пилюлю.

Увидав барона, Давид признал в нем офицера, командовавшего царскими войсками во время погрома и приказывавшего солдатам стрелять в беззащитных евреев. Он был потрясен, услышав от Веры, что этот офицер – ее отец.

Давид ошеломил Веру, сгоряча объявив, что покинул родной дом ради дочери палача, что теперь любовь и союз меж ними невозможны, и он возвращается к своим.

***

После исполнения симфонии, автор, и он же первая скрипка, поднялся в сад, расположенный на крыше небоскреба. Душа Давида опустошена. Внизу в зале бушуют аплодисменты.

- Давид! Не слышишь разве? Вызывают тебя! – кринул появившийся Мендель.
- Кто сказал тебе, что я тут?
- Мисс Ревендаль, разумеется.
- Мисс Ревендаль? Как она узнала?
- Сумасброд предсказуем. Думаю, она понимает тебя.
- Жаль, что ты, дядя, никогда не понимал меня. Как она выглядит? Бледна?
- Хватит о ней, Давид. Ты нужен Паппельмейстеру. Невозможно успокоить публику.
- Я играл. Меня видели.
- Люди не знали, что первая скрипка – он же и композитор. Ты обязан выйти на сцену.
- Сейчас перерыв. Мне нужно восстановить силы.
- Не будь циничным. Подумают, что ты гордец.
- Я не гордец. Оставь меня с моими бедами.
- Какие беды? Тебя ждет слава. Ты должен выйти к людям. Твоя музыка смягчила их.
- Зато я отвердел.
- Ты прав. Мама сказала, ты превратился в соляной столб, с тех пор, как вернулся к нам.
- Хорош урок от Лотовой жены. Наказание смотрящим назад.
- Не садись на скамью. Мокро после дождя. Ты мало смотришь назад.

Серьезность опровергается шуткой. Давид оценил ее и улыбнулся. Мендель вытер носовым платком скамью. Давид уселся.

- Наконец-то ты просиял, племянник. Ты слишком долго не дарил нам улыбку.
- Удручает твое ретрогадство, дядя. Америка спасает наш народ, а ты не видишь перемен.
- Ты все мечтаешь о мисс Ревендаль, а я думал, еврейское сердце вернуло тебя домой...
- Увечное сердце. Не касайся моей беды, не растравляй рану.
- Лучше б ты женился на Вере и не жил, как живешь. Ты поверг наш дом во мрак!
- Возвращайся в зал, дядя.
- А ты?
- Я не буду играть на бис популярные вещицы. У Паппельмейстера достаточно скрипачей.

Появляются госпожа Квиксано, мать Менделя, и с ней служанка Кетлин. В недавнем прошлом взгляды молодой ирландки претерпели чудесное превращение. Неприязнь к евреям сменилась любовью к ним, и Кетлин стала ревностной блюстительницей еврейских обычаев.

- О, бабушка и Кетлин здесь! – воскликнул Давид.
- Мама должна была прийти – ей положен ежедневный моцион.
- Она не шокирована тем, что я играл в субботу?
- Она говорит, что ты и ребенком играл по субботам, и бог делает для тебя исключение.
- У нее замечательно гибкий ум, дядя, - сказал Давид, многозначительно глянув на Менделя.
- Великолепная музыка, мистер Давид. Как месса. Но госпожа спала! – заявила Кетлин.
- Спала? – рассмеялся Давид.
- Наш Давидка снова смеется! – радостно проговорила госпожа Квиксано, тяжело дыша.
- Как ты добралась сюда, бабуля? – спросил Давид.
- Топали по ступеням. В субботу нельзя подниматься на лифте, - ответила за нее Кетлин.
- Мисс Ревендаль послала вас сюда? – осторожно осведомился Давид.
- Разумеется! Она так горда вами. Замечательная девушка! – не унималась служанка.
- Вы много болтаете, Кетлин! – заметил Мендель.
- Вам с Кетлин нужно закусить для подкрепления сил, - обратился Давид к бабушке.
- Мы не едим там, где мясо и масло кладут на одну тарелку! – возразила христианка.
- Мама устала. Отправляйтесь с ней домой, Кетлин, - сказал Мендель.
- Не туда! Лифт в той стороне. Спускаться можно даже в субботу! – крикнул Давид.

Мендель провожает мать и Кетлин. В это время из лифта выходит господин Паппельмейстер. Он сияет после триумфа Давида.

- Госпожа Квиксано, что вы скажете о вашем внуке? – воскликнул Паппельмейстер.
- Он мишигинер! – ответила на идиш счастливая бабушка и покрутила пальцем у виска.
- Что это значит? Сумасшедший? – спросил Паппельмейстер у Менделя.
- Что-то в этом роде!

Мендель с матерью и Кетлин зашли в лифт. Паппельмейстер и Давид остались наедине.

- Господин Паппельмейстер, моя благодарность слишком глубока, чтоб выразить словами!
- Таковы же и мои поздравления, господин Квиксано!
- Так не будем о них говорить!
- Но вы должны говорить со всеми людьми в Америке, понимающими толк в музыке.
- Что я услышу от этих знатоков?
- Один скажет, что это великолепная вещь, но плохо исполнена.
- Худо!

- Другой возразит, что вещь негодная, но исполнена хорошо.
- Час от часу не легче!
- Третий станет утверждать, что и вещь и исполнение – выше всяких похвал.
- О, это совсем другое дело!
- А четвертый обругает и композитора и оркестр!
- Так кого же слушать? – вскричал Давид.
- Критики спорят? Значит вещь хороша и в следующий раз будет исполнена еще лучше!
- Дорогой Паппельмейстер! Вы – как отец мне!
- А вы, Давид – мятежный сын. Прощаю, что не вышли на бис. И примите поздравления!
- Вы уходите?
- Да, мой мальчик. И не будьте мишигинер! – сказал Паппельмейстер, прощаясь.

Давид сел на скамейку, понурил голову. Послышался шум прибывающего лифта. Показалась Вера. Давид поднял глаза.

- Вера!
- Мистер Квиксано, землячество поручило мне передать вам благодарность и поздравления.
- Надеюсь, у вас все хорошо, мисс Ревендаль?
- Все хорошо, я очень занята и должна идти.
- Да, разумеется... Как ваши?
- Вернулись в Россию..., – потупившись ответила Вера.
- А как ваши?
- Вы только что их видели.
- Ах, да... Прощайте, мистер Квиксано.
- Прощайте, мисс Ревендаль.
- Я бы не советовала вам сидеть здесь в сырости, – обернувшись сказал Вера.
- Спасибо. Любопытно, что все заботятся о моем теле, и никто – о душе.
- Ваша душа сильнее тела. Свою страсть она вознесла людей высоко-высоко.
- Ради бога, без похвал! Меня постигла неудача.
- Неудача шествует со свитой, а тут знатоки спорят, и это лучшее свидетельство успеха!
- Я сам себе знаток. “Фиаско!” – пищали скрипки, ревели тромбоны, гроыхали барабаны.
- О, нет, Давид! Твоя симфония вошла в простые души, вселила в них покой...
- А что с моей душой? Она не ладит со своей собственной музыкой, и в этом мое фиаско!
- Не понимаю, Давид!
- Я, проповедник плавильного котла, не сумел швырнуть в него свою ненависть и боль!
- Не кори себя. Воскрешенное горе ужасно. Жуткие картины стоят перед моими глазами.
- Я навязал твоим глазам картины кошмара, вместо того, чтобы стереть их в своих глазах.
- Никто не в силах стереть их.
- В силах! Надо крепко верить в плавильный котел. Я малover, и я оттолкнул тебя.
- Мне нельзя было приходить к тебе. Мы не должны больше встречаться...
- Ты не можешь меня простить!
- Это я молю о прощении за вину отца! – вскричала Вера, пытаясь встать на колени.
- Нет! Дети не будут искупать грехи отцов! – воскликнул Давид, останавливая ее.
- Не только отец... мой народ... моя страна... Долги неоплатные...
- Ты ничего мне не должна.
- Да... у тебя все есть, ты ни в чем не нуждаешься...
- Ах, если бы!
- Тебе нужна лишь музыка... и мечта...
- А твоя любовь? Разве она не нужна мне?
- Нет.
- Обида говорит твоими устами.
- Не то! Возносясь над миром, ты до краев наполнил свою душу.

- А любовь?
- Твоя иллюзия. Прощай.
- Ты покидаешь меня?
- Что мне остается? Мрачная тень Кишинева меж нами, сотни мертвых холодных рук...
- Поцелуй меня и изгонишь духов прошлого! Поцелуй меня, и любовь победит смерть!
- Я не смею. Это пробудит твои воспоминания.
- Это заставит меня забыть!

Не сдерживая более чувств, молодые люди бросаются друг к другу в объятия. Сердца полны любовью. Они смотрят вниз на великолепную панораму вечернего Нью-Йорка. Огни города полыхают в небе, сливаются с последними закатными лучами солнца. Давидом овладевает патетическое настроение.

- Великий плавильный котел! Внизу порт, корабли... все племена и языки плывут к нам!
- Кельт и римлянин, славянин и тевонец, грек и сириец., – вторит Давиду Вера.
- Не поклоняться они прибывают в Америку, но трудиться!
- Евреи и неевреи...
- Мир, мир всем вам, еще неродившимся миллионам, коим судьба заполнить сей континент!

***

От переводчика.

Этот эмоциональный диалог завершает пьесу Израэля Зангвилла “Плавильный котел”. Легенда утверждает, что на премьере в Вашингтоне в 1909 году президент США Теодор Рузвельт выкрикнул, перегнувшись через перила ложи: “Отличная пьеса, мистер Зангвилл! Отличная пьеса!”

Обложка: Театральная программа к пьесе.